

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ / LETTER TO THE EDITORS

В разделе «*Aestimationes librorum*» мы помещаем письмо в редакцию, содержащее критическую оценку издания: А. С. Пушкин, *Тень Баркова: Тексты. Комментарии. Эссе* (Москва, «Языки славянской культуры», 2002) — и обвинения в адрес составителей указанной книги. В тексте письма с разрешения автора полностью сохранены его орфография и пунктуация. — *Ред.*

Появление научного издания «Тени Баркова» Пушкина, подготовленное учеными филологами И. А. Пильщиковым и М. И. Шапиром, нужно приветствовать по двум причинам. Главное, конечно, в том, что сочинение гениального мальчика-лицеиста нашло достойное воплощение в тщательно изданном и прекрасно оформленном огромном томе. А, во-вторых, издание это, надо полагать, означает конец неблагоприятным спекуляциям на Пушкине. Ведь с тех недавних пор, как находившееся в течение семидесяти лет под чугунным колпаком общество получило возможность дышать, многие предприимчивые господа не знают удержу: вот где смелость свою можно показать, печатая невозбранно «русские титулы», да и заработать хорошо на страсти публики, изголодавшейся по клубничке. И здесь публику понять можно. В ту семидесятилетнюю высоконравственную эпоху нельзя было ничего.

Не будем голословными. Послушаем, к примеру, как описывает Овидий постигшие его в постели неприятности:

Хоть и желал я ее и она отвечала желаньем,
Не был я в силах владеть лучшею частью своей.

Это у Овидия. А в книге, изданной в ту эпоху государственным издательством, читаем:

Хоть и желал я ее и она отвечала желаньем,
Не было силы во мне, воля дремала моя.

Но римский изгнанник, по версии Гослитиздата, вспоминает и другое:

Но ведь недавно совсем с белокурою Хлидой и с Либой
Да и с блестящей Пито был я достоин себя
И, проводя блаженную ночь с прекрасной Коринной,
Воле моей госпожи был я послушен во всем.

«Врете, подлецы!» — как сказал наш Пушкин. У его любимого Овидия не так:

Дважды, однако, на днях с белокурою Хлидой и трижды
 С Либой, с блестящей Пито смог же я выполнить долг
 И за недолгую ночь, повинувшись желаньям Коринны,
 Выдержал, помнится мне, девять слижений подряд!

Да, не повезло бедной Корине в издательстве «Художественная литература»! Но вот, наконец, Овидий констатирует:

Что ж ты постыдно теперь не лежишь, наихудший из членов

А в Гослитиздате было так:

Что же постыдно тогда я поник, наихудший из смертных.

Не будем однако упрекать выдающегося, в 1972 г. восьмидесятилетнего, переводчика С. В. Шервинского и редактора академика М. А. Гаспарова. Такие были времена — не поспоришь! Чтобы увидеть Овидия в печати, пришлось им переделывать текст. Теперь, когда стало все можно, стая филологов и нефилологов с радостью накинута на «Тень Баркова». Здесь, несомненно, имеет значение засевшая в молодых и в немолодых людях некая «подростковая психология». Это молодечество движет иными из пишущей братии отличиться и печатно утвердить свой приоритет на новой благодатной ниве.

Таким образом, проблема «Тени Баркова» в современной филологии не столько текстологическая, как психологическая.

Видимо, наши авторы не один год разрабатывали эту Тему, так, из предисловия составителя книги «Летите, грусти и печали» (1979) узнаем, что он «искренне» благодарит М. И. Шапира «за большую помощь» в подборке текстов и «ценные советы». Не знаем, как с «ценными советами», но вот «подборка текстов» поистине замечательна: «Тени Баркова», «автора А. С. Пушкина» предшествует «Лука Мудицев», «неизв. автора», и «Пров Фомич», «неизв. автора». Из сего следует, что хотя бы один из наших авторов зянят «Тенью Баркова» двенадцати лет!

И степень этого жгучего интереса станет еще более понятной, когда в тех же «Грустях и печалях» другой исследователь Баркова восклицает: «Не так уж скучно жить на этом свете, господа!»

Задача настоящего письма — вовсе не критика авторов-непушкинистов. Они хорошо сделали, полностью напечатав труд М. А. Цявловского отдельной книгой. К выполненной авторами «обработке» комментария М. А. Цявловского можно пока сделать одно замечание. Вряд ли авторам, вообще отличающимся неслыханным педантизмом, стоило так детально объяснять слова и значения (у М. А. Цявловского луч-

ше: «действия») не представленные в Словаре языка Пушкина. К примеру, читателям разъясняется, что знаменитое слово из трех букв — это «мужской половой член». А мы-то не знали! А «глава» — это «головка полового члена». Здесь же для необразованных (сюда, подозреваем, следует отнести и Пушкина) приводится и латинское обозначение вышеназванной головки — «glans penis». Как будто читаешь какого-нибудь Крафт-Эбинга или Мантегаццу. Все это, конечно, издержки всеобщей веселости сегодняшней прессы, а то и науки. Снова подтверждаются мудрые иронические слова поэта о том, что «первые книги, которые выйдут в России без цензуры, будут полные собрания стихотворений Баркова». (см. П. П. Вяземский, Александр Сергеевич Пушкин. 1826—1837. По документам Остафьевского архива и личным воспоминаниям. СПб., 1888, с. 68).

Перейдем к менее веселой теме, послужившей поводом этого письма.

Описывая свои заслуги в истории публикации «Тени Баркова», — а авторы весьма скрупулезно фиксируют любое свое достижение, — они указывают, что книга М. А. Цявловского — «была выпущена нашими (т. е. Пильщикова и Шапира) усилиями всего пять лет назад» (с. 21).

Здесь далеко не все верно. Да, в журнале «Philologica», руководимом авторами, был впервые напечатан труд М. А. Цявловского. Неверно другое: про: «наши усилия». «Усилия» были, но не только с их стороны. Откроем «Philologica», № 5—7 за 1996 г., и на с. 159 читаем:

«М. А. Цявловский, Комментарий. Публикация Е. С. Шальмана. Подготовка текста и примечания И. А. Пильщикова». В сноске к этому заглавию нами написано несколько строк, помещенных редакцией: «В 1997 г. исполняется 50 лет со дня смерти М. А. Цявловского и 100 лет со дня рождения Т. Г. Цявловской. Хочется надеяться, что эта публикация напомнит о трудах двух выдающихся отечественных пушкинистов и послужит стимулом к дальнейшему освоению их богатого творческого наследия».

Теперь откроем книгу наших авторов, на с. 164 видим: «М. А. Цявловский. Комментарий. Реконструкции текста и примечания И. А. Пильщикова и М. И. Шапира».

А чья же публикация? Куда делся публикатор «Е. С. Шальман»?

Как сказано в еврейском анекдоте, «Арончик выпал!»

Остается только посмотреть на выражение лица судьи, глядящего на положенные рядом журнал 1996 г. и книгу 2002 г.

Все это тем более удивительно, что авторов отличает чрезвычайная вежливость в других случаях. Цитируем из предисловия: «Мы с радостью приносим долг благодарности коллегам». Перечисляются одиннадцать имен — «они оказали нам неоценимую помощь...», с. 17 и т. д. Просто волшебное пение! Но как видим, вежливость у авторов, так сказать, условная, и «если нужно для дела», можно перепечатать труд М. А. Цявловского, снабдив публикацию, в знак собственных «усилий бессмысленным и неоправданным словом «реконструкция». А раз «реконструкция», то и выкинуть автора первой публикации 1996 г., без которой не было бы, конечно, «реконструкции» 2002 г.

Е. Шальман

От редакции / Editors' Note

Прежде всего мы должны извиниться перед читателями за то, что напечатали письмо Е. С. Шальмана: неосновательность его претензий и манера, в которой автор их высказывает, никогда не позволили бы нам опубликовать это письмо, если бы инвективы Шальмана метили не в нас, а в кого-то другого.

Мы не станем на страницах нашего журнала отвечать на критические суждения Е. С. Шальмана или перечислять допущенные им орфографические, речевые, фактические и логические ошибки: пусть они остаются на совести автора письма как свидетельство его непрофессионализма и недобросовестности. Единственное обвинение, которое мы не можем оставить без ответа, не имеет отношения к филологии и носит уголовный характер. Шальман — ни больше ни меньше — обвиняет нас в плагиате и даже намекает, что наши преступные деяния могли бы составить предмет судебного разбирательства: «Остается только посмотреть на выражение лица судьи, глядящего на положенные рядом журнал 1996 г. и книгу 2002 г.» Что же, по мнению Шальмана, должно было бы так заинтересовать воображаемого судью? А вот что. Оказывается, в журнальной публикации «Комментариев» М. А. Цявловского к «Тени Баркова» был указан публикатор — Е. С. Шальман, а в отдельном издании пушкинской баллады имя публикатора «Комментариев» отсутствует: «Арончик випал!»

Недоумение Арончика легко рассеять. Оно объясняется тем, что значение слова *публикатор* известно г-ну Шальману не так хорошо, как значение «знаменитого слова из трех букв». Однако достаточно раскрыть словарь, и всё сразу же встанет на свои места: «**ПУБЛИКАТОР**, а. м., одуш., [*публиковать* + суфф. -атор]. Лицо, публикующее (см. *публиковать*) какие-н. материалы (обычно — архивные, ранее не известные и т. п.)» (Л. П. Крысин, *Толковый словарь иноязычных слов*, Москва 1998, 576; обращаем особое внимание на слова, выделенные нами. — *И. П., М. Ш.*). На той же странице дано значение

глагола *публиковать*: «Объявлять, предавать гласности в средствах массовой информации». Инцидент, как говорится, исчерпан: невозможно «опубликовать» то, что уже стало широко известно ранее. Когда полный текст «Комментариев» печатался впервые, у него был публикатор — Е. С. Шальман. Но благодаря ему «Комментарии» стали общедоступными, и теперь их снова «обнародовать» столь же трудно, как вторично лишиться невинности.

Автор «Письма в редакцию» упрекает нас в том, что мы, «весьма скрупулезно фиксируя любое свое достижение», обходим молчанием «усилия», которые он приложил к публикации «Комментариев» Цявловского. Мы готовы исправить наше упущение и описать «усилия» г-на Шальмана с присущими нам «скрупулезностью» и «педантизмом»: сколько помнится, «усилия» сводились к тому, что г-н Шальман выдвинул ящик письменного стола, вынул оттуда принадлежащий ему экземпляр фотокопии верстки и передал его нам для публикации — на этом вклад Е. С. Шальмана в издание «Комментариев» закончился. Но читатель ошибется, если подумает, что этот текст мы могли напечатать: верстка, которую нам вручил «публикатор», оказалась неполной (многие страницы были утрачены), неправильной (многие фрагменты текста в наборе исказились до неузнаваемости) и нуждавшаяся в подробном комментировании (работа Цявловского, для своего времени образцовая, во многом успела устареть). Таким образом, нам предстояло разыскать недостающие части, сделать необходимые конъектуры и составить обширные примечания (около 50 страниц петитом). Видимо, свои «достижения» мы отразили недостаточно «скрупулезно» — чем иначе можно объяснить то, что слово «реконструкция», которым мы назвали восстановленный текст «Комментариев» Цявловского, показалось г-ну Шальману «бессмысленным и неоправданным»?

Разумеется, негодование «публикатора» было бы понятно, если бы в отдельном издании «Тени Баркова» мы утаили, что честь первой публикации «Комментариев» принадлежит Е. С. Шальману. Однако почерпнуть эти сведения в подготовленной нами книге нетрудно. В частности, на с. 21 (именно там, где идет речь о «наших усилиях») сделана ссылка на работу «Цявловский 1996», а на с. 24, в библиографическом описании этой работы, сказано: «Публикация Е. С. Шальмана». В общей сложности данная информация в нашей книге повторена 10 раз (на с. 24, 118, 122, 163, 346, 373, 396, 456, 465, 487), а всего имя Шальмана встречается 22 раза (см. «Указатель имен») — на замалчивание, кажется, не похоже. Но этого «публикатору», видимо, показалось мало, и он напомнил о себе «Письмом в редакцию». Память о нём навсегда сохранится в наших сердцах!

И. П., М. Ш.